

SENATUS POPULUSQUE GRAECUS:
РЕФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ГОРОДОВ
ПЕЛОПОННЕСА В 146 г. до н.э.

С. К. Сизов

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород
Sergey_Sizov@yahoo.com

Аннотация. После завершения Ахейской войны и разрушения Коринфа консул Луций Муммий вместе с назначенной сенатом комиссией из десяти человек приступил к организации управления новыми римскими владениями в Пелопоннесе. Существенной частью новых порядков, установленных завоевателями на территории бывшего Ахейского союза, были изменения в политическом устройстве пелопоннесских городов. Одним из них было введение имущественного ценза для занятия должностей (Paus. VII. 16. 9). Новые эпиграфические данные доказывают, что следствием распоряжений Муммия стало создание в полисах Южной Греции нового органа под названием *συνέδριον* (греческий эквивалент латинского *senatus*), который пришел на смену обычному типу городского совета (*βουλή*). Сведения об аналогичных мероприятиях римских властей в других провинциях Римской республики — Сицилии и Вифинии—Понте, а также некоторые прямые и косвенные эпиграфические данные позволяют предположить, что *συνέδριον* создавался по образцу римского сената (цензовый отбор, пожизненное членство, огромные полномочия) и должен был стать оплотом власти зажиточной элиты в городах Пелопоннеса.

Ключевые слова: Римская республика, провинции, сенат, синедрион, Пелопоннес, Ахейский союз

SENATUS POPULUSQUE GRAECUS:
THE REFORM OF THE POLITICAL INSTITUTIONS OF THE
PELOPONNESIAN CITIES IN 146 BC

Sergey K. Sizov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
Sergey_Sizov@yahoo.com

Данные об авторе. Сергей Кузьмич Сизов — доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Abstract. After the Achaean war and destruction of Corinth consul Lucius Mummius with a commission appointed by the Senate worked out regulations related to the governance of the conquered Peloponnese. An essential part of the new order established by the Romans in the former Achaean League was the reform of the political institutions of the Peloponnesian cities. In particular, Mummius established property requirements for holding office in a *polis* (Paus. VII. 16. 9). New epigraphic evidence demonstrates that the Roman regulations also led to the replacement of quite common type of city council in the Greek world – the βουλή – with another, much more powerful body termed συνέδριον (a Greek translation of Latin *senatus*). The information about similar reforms carried out by the Romans in some other Greek-speaking provinces of the Roman republic, namely Sicily and Bithynia-Pontus, as well as certain epigraphic evidence, both direct and indirect, suggests that the συνέδριον was designed on the model of the Roman Senate, with the selection of the councilors on the base of *census*, the life membership and significant powers. The συνέδριον was introduced to become a stronghold of the wealthy elite that was to rule the Peloponnesian *poleis* under the Romans.

Keywords: Roman republic, provinces, senate, *synedrion*, the Peloponnese, the Achaean league

После завершения Ахейской войны и разрушения Коринфа консул Луций Муммий вместе с назначенной сенатом комиссией из десяти человек приступил к организации управления новыми римскими владениями в Пелопоннесе. Существенной частью новых порядков, установленных завоевателями на территории бывшего Ахейского союза, были изменения в политическом устройстве пелопоннесских городов. Совокупность римских предписаний на этот счет в письме римского проконсула городу Диме названа «политией, данной ахейцам римлянами» (Syll.³ 684, l. 10: τῇ ἀποδοθείσῃ τοῖς [Ἀ]χαιοῖς ὑπὸ Ῥωμαίων πολιτεία). Полибий, как сообщается в одном из последних сохранившихся фрагментов его сочинения, по поручению сенатской комиссии объезжал города Пелопоннеса и прилагал усилия к тому, чтобы установленные римлянами «полития и законы» были правильно поняты и стали привычными в каждой общине (Polyb. XXXIX. 5. 2–3)¹. К сожалению, во всей нарративной традиции можно обнаружить лишь одну короткую фразу, которая касается содержания предпринятой римлянами реформы – высказывание Павсания, который в контексте рассказа о последствиях Ахейской войны характеризует ее следующим образом: «Муммий, когда прибыли те, кто должен был помогать ему советом, уничтожил в тех краях демократические порядки и назначил власти на основании имущественного ценза» (Paus. VII. 16. 9: δημοκρατίας μὲν κατέλαυε, καθίστα δὲ ἀπὸ τιμημάτων τὰς ἀρχάς).

¹ Polyb. XXXIX. 5. 2: τῇ πολιτεία καὶ τοῖς νόμοις; 5. 3: τὴν δεδομένην πολιτείαν. Павсаний (VIII. 30. 9) ошибочно сообщает, что «полития и законы» были написаны самим Полибием; на самом деле собственное законодательное творчество историка ограничивалось сферой «общего правосудия» (περὶ τῆς κοινῆς δικαιοδοσίας; Polyb. XXXIX. 5. 5), т.е., очевидно, составлением правил разрешения споров между гражданами разных полисов. Что касается конфликтов между общинами, то процедура их урегулирования была скорее всего определена римлянами. В надписи из Немей (SEG XXIII. 180), от которой уцелели лишь отдельные фразы, упоминается римская комиссия десяти (стк. 10), а в следующей строке говорится о «законах», очевидно, составленных этой комиссией. Поскольку сама надпись посвящена спору между Немеей и Аргосом, то речь должна была идти о тех «законах», которые регулировали межполисные отношения.

Само по себе данное высказывание Павсания выглядит довольно правдоподобным. Задолго до Муммия Тит Квинкий Фламинин провел такие же преобразования в Фессалии, сформировав городские советы и суды на цензовой основе (*a censu maxime et senatum et iudices legit*: Liv. XXXIV. 51. 6)². Тем не менее в научной литературе свидетельство Павсания об упразднении демократических режимов в Пелопоннесе довольно часто подвергается сомнению³. С одной стороны, исторические экскурсы в «Описании Эллады» изобилуют фактическими неточностями, и данному суждению Павсания, восходящему к неизвестному нам и антиримски настроенному источнику, как полагают многие исследователи, не следует полностью доверять. С другой стороны, эпиграфические свидетельства, по мнению сторонников этой точки зрения, не демонстрируют никаких изменений в политической организации городов Пелопоннеса после 146 г.⁴ Что же касается введения имущественного ценза, то ему обычно не придается большого значения, поскольку, как часто отмечается, в городах Ахейского союза власть и прежде принадлежала зажиточной элите. Впрочем, иногда подвергается сомнению и это свидетельство Павсания⁵, либо делается вывод, что назначение правителей в городах Пелопоннеса из числа богатых граждан было разовым мероприятием, а не постоянным правилом: как предполагает Р. Кэллет-Маркс, в процессе послевоенного урегулирования Муммий действительно сменил власть в ахейских полисах, руководствуясь имущественным критерием при назначении магистратов, однако после его отъезда из Греции пелопоннесские города вернулись к прежнему порядку⁶.

Тем не менее аргумент относительно отсутствия каких-либо эпиграфических свидетельств насчет институциональных изменений, произведенных римлянами в городах Пелопоннеса, теперь может быть опровергнут. Как выяснилось, такие свидетельства есть, и они были известны давно, однако неверно интерпретировались. Эпиграфика демонстрирует, что примерно во II в. в полисах ряда греческих областей, в том числе Пелопоннеса, произошло изменение названия городского совета: вместо традиционного органа, именуемого βουλή (на пелопоннесских диалектах — βουλά), возник новый тип совета под названием συνέδριον, в котором заседали не «булевты», а «синедры» (σύνεδροι). Очень долгое время в литературе господствовало мнение, согласно которому это произошло еще в период независимости Греции, а в Пелопоннесе явилось

² Различные оценки того, до какой степени вмешательство Фламинина изменило традиционный способ организации власти в Фессалии, см. в работах: Deininger 1971, 92; Gruen 1976, 39; Kramolisch 1978, 23; Armstrong, Walsh 1986, 39–42; Pfeilschifter 2005, 300, Anm. 44; Eckstein 2008, 293; Graninger 2011, 29.

³ Touloumakos 1967, 11–12; Gruen 1984, 525; Bernhardt 1985, 221; Ferrary 1988, 194–209; Kallet-Marx 1995, 57–59; 65–76; Lafond 1996, 171–176.

⁴ Здесь и далее все даты — до н.э., если не оговорено иное.

⁵ Touloumakos 1967, 11.

⁶ Kallet-Marx 1995, 69–70. Такая интерпретация, по его мнению, может вытекать из буквального понимания фразы Павсания, который пишет, что Муммий «назначил правителей на основе ценза» (καθίστα δὲ ἀπὸ τιμμάτων τὰς ἀρχάς). Аналогичным образом Кэллет-Маркс толкует и упомянутое выше сообщение Ливия о том, что Фламинин в 194 г. «выбрал и сенат, и судей главным образом по цензу» (*a censu maxime et senatum et iudices legit*). Заметим на это, что фразеология обоих процитированных пассажей вовсе не исключает того, что цензовые ограничения и в Фессалии, и в Пелопоннесе были введены на постоянной основе.

результатом некоего процесса унификации городских конституций под воздействием Ахейского союза⁷. Однако высказывалось и иное предположение: появление синедрионов в городах Пелопоннеса могло быть связано с реформами Муммия⁸, но эта гипотеза оставалась довольно уязвимой, поскольку противоречила традиционной датировке нескольких надписей, в которых городские советники назывались синедрами и которые было принято относить к первой половине II в.

Ситуация стала меняться после открытия, сделанного Д. Кнепфлером, который в результате тщательных изысканий в области хронологии обнаружил, что все без исключения надписи с упоминанием городских синедрионов в Беотии и на Эвбее датируются временем не ранее III Македонской войны⁹, а это означает, что переименование совета было непосредственно связано с приходом римлян в Среднюю Грецию¹⁰. Наконец, совсем недавно было представлено убедительное доказательство того, что и в Пелопоннесе новое название городского совета появилось в результате преобразований, проведенных Муммием и сенатской комиссией в 146 г. М. Пьерар обратил внимание на заголовки надписей, обнаруженных не так давно и содержащих текст посланий Муммия и его преемника Квинта Фабия Максима Аргосу и другим пелопоннесским городам в связи с ходатайствами Дионисовых технитов, которые после разрушения Коринфа обосновались в Аргосе и просили о подтверждении их прежних привилегий¹¹. Из четырех писем, отправленных Муммием в Аргос, три адресованы «властям и городу аргивян», а четвертое — «властям и синедрам»¹². Примечательно, что решение, принятое в ответ на первое письмо, еще датировано именем секретаря совета восьмидесяти, старинного аргосского учреждения, упоминаемого еще Фукидидом (V. 47. 9)¹³, в то время как в аргосских постановлениях более позднего периода в роли эпонима выступает секретарь синедриона¹⁴. Отсюда Пьерар делает вполне резонный вывод: пока составлялись первые три письма, Аргос еще сохранял свое традиционное политическое устройство, однако незадолго до отправления четвертого послания в городе появился новый государственный орган — синедрион, который сразу же стал играть важнейшую роль

⁷ См., в частности, Swoboda 1912, 47–49; Accame 1946, 137–138, 142–143; Kallet-Marx 1995, 70–71; Deshours 2004, 137, 144–145; Hamon 2005, 131–132.

⁸ Guarducci 1932, 85–86; Touloumakos 1967, 18–27; Ferrary 1988, 206–210.

⁹ Knoepfler 1990, 492–497; 2001, 415–416.

¹⁰ О значении этого открытия см. Mueller 2005, 114–119. Ранее считалось, что городские советы в Беотии стали носить новое название уже в конце III в. (Holleaux 1938, 126; Roesch 1965, 129). Каллет-Маркс, отвергая всякую связь между приходом римлян и появлением городских «синедрионов» в Греции, использовал эту устаревшую ныне датировку в качестве существенного аргумента (Kallet-Marx 1995, 71, п. 56), хотя работа Кнепфлера вышла в свет за несколько лет до его собственного труда.

¹¹ Полная научная публикация этих документов еще не осуществлена, и они обычно цитируются исследователями по тексту выдержек, приведенных в издании Rhodes, Lewis 1997, 69.

¹² Второе и третье письма направлены Ἀρχεῖων τοῖς ἄρχουσιν καὶ τῇ πόλει; так же, очевидно, должно было начинаться и первое письмо, которое в надписи дословно не цитируется (Piérart 2013a, 27). Самое позднее, четвертое письмо адресовано Ἀρχεῖων τοῖς ἄρχ[ο]υσιν καὶ τοῖς συνέδροις.

¹³ Этот орган (οἱ δὲ δοῦκοντα) фигурирует также в надписях IV в.: SEG XIX. 317, ll. 29–30; XXXIII. 286, ll. 5–6.

¹⁴ Syll.³ 735 (92 г.); SEG XXII. 266 (ок. 100 г.).

в управлении полисом. Единственное возможное объяснение такой перемены состоит в том, что аргивяне выполнили предписания, разработанные Муммием и сенатской комиссией, и в соответствии с ними реформировали свои учреждения¹⁵. То же самое сделали и другие города бывшего Ахейского союза, судя по тому, что сразу же после отъезда Муммия послания, отправленные городам Пелопоннеса от имени Фабия Максима, проконсула 145/144 г., а также сопроводительные письма, которые прилагались к составленному римским наместником документу, когда тот пересылался из города в город, адресуются либо «властям, синедрам и полису», либо «властям и синедрам»¹⁶. Таким образом, теперь можно установить точное время появления синедрионов в Пелопоннесе: это вторая половина 146 г., когда сенатская комиссия продолжала свою работу, а срок полномочий Муммия в должности консула еще не истек¹⁷.

Выводы Пьерара представляются очень убедительными и могут быть подкреплены некоторыми дополнительными аргументами. С одной стороны, новые данные позволяют задать вопрос, насколько обоснованны датировки некоторых надписей с упоминанием синедров, которые часто относят к периоду до Ахейской войны¹⁸. Если не принимать во внимание те надписи, которые были отнесены издателями к первой половине II в. на основании таких ненадежных для Пелопоннеса критериев, как стиль письма и начертание букв¹⁹, то остается по существу лишь один эпиграфический документ, датировка которого временем, предшествующим римскому завоеванию, вытекает, по мнению ряда исследователей, из конкретных исторических обстоятельств. Речь идет о постановлении, принятом синедрами Фурии по поводу территориального спора этого мессенского городка с Мегалополем (SEG XI. 972 = ISE 51). Эту надпись обычно относят ко времени независимости Ахейского союза²⁰ на основании двух доводов. Во-первых, предполагается, что после 146 г., когда Муммий

¹⁵ Piérart 2013a, 27–32; 2013b, 283–287.

¹⁶ Syll.³684; Rhodes, Lewis 1997, 76, 97–98.

¹⁷ В письмах Аргосу Муммий именуется «консулом» (στρατηγὸς ὑπὸ τοῦ Ρωμαίων), а не проконсулом, каковым он стал в следующем году. Комиссия десяти покинула Грецию весной 145 г. после шести месяцев работы (Polyb. XXXIX. 5. 1).

¹⁸ В работе Пьерара приводится список точно датированных надписей, в которых фигурирует синедрион того или иного пелопоннесского полиса, причем оказывается, что все они относятся к периоду после 146 г.; относительно же документов с неясной датировкой Пьерар ограничивается замечанием, что и они должны принадлежать к тому же времени (Piérart 2013a, 24–26).

¹⁹ Примером может служить надпись из Мегалополя, которую в свое время Ф. Хиллер фон Гертринген в соответствующем томе «Греческих надписей» на основе палеографических соображений датировал началом II в. (IG V. 2. 433), а в сборнике процессуально-правовых документов из Аркадии она была отнесена к периоду 150–100 гг. (IPark 30). Столь же приблизительной и ненадежной является предложенная Хиллером датировка декрета Антигонии (бывшей Мантиней): рубеж III и II вв. (IG V. 2. 263). Надпись из Орхомена (SEG XI. 470) издатели отнесли к первой половине II в. (Woodward, Robert 1927/1928, 62), однако не указали на такие палеографические особенности этого документа, которые исключали бы более позднюю датировку (тем не менее Кэллет-Маркс ссылается на их мнение как на неоспоримый аргумент: Kallet-Marx 1995, 71, n. 56). Теперь все эти надписи с полным на то основанием следует отнести ко времени после римского завоевания.

²⁰ Levi 1931, 93–97; Accame 1946, 142; Moretti 1967, 130; Kallet-Marx 1995, 71, n. 56; Ager 1996, 395, n. 1.

передал Денфелиатида Мессении, Фурия и Мегалополь уже не могли граничить друг с другом, и спор из-за территории не мог возникнуть. Во-вторых, сторонники данной датировки указывают на то обстоятельство, что пограничное урегулирование с участием Мегалополя, Мессении и Фурии уже имело место вскоре после подавления мессенского восстания в 182 г., о чем свидетельствует надпись из Олимпии (IOlympia 46 = IPArk 31), и декрет фурийского синедриона вполне может относиться к этим событиям, тем более что в обоих случаях, как показывают эпиграфические документы, интересы Фурии отстаивал влиятельный гражданин этой общины по имени Аристомен.

Однако при внимательном рассмотрении оба эти аргумента оказываются весьма уязвимыми. Муммий действительно вынес решение о том, что Денфелиатида должна принадлежать Мессении, на что впоследствии ссылались мессенские послы в Риме (Тас. Ann. IV. 43. 3), но этот факт вовсе не обязательно означает, что тем самым в 146 г. была произведена перекройка границ. Денфелиатида долгое время была предметом спора между Спартой и Мессенией²¹, и когда оба государства вошли в состав Ахейского союза, вопрос о принадлежности этой территории не мог не возникнуть вновь. Во все не обязательно считать, что ахейцы отдали этот район Спарте; напротив, имеются основания полагать, что в период участия Спарты и Мессении в Ахейском союзе Денфелиатидой владели мессеняне²² и, таким образом, решение Муммия (принятое, очевидно, в ответ на требования лакедемонян) означало сохранение status quo. Если придерживаться такой трактовки событий, то окажется, что Денфелиатида была мессенской территорией и до, и после 146 г. Поэтому аргумент, согласно которому приобретение этой области мессенянами исключало территориальный контакт между Фурией и Мегалополем, теряет доказательную силу. Очевидно, конфигурация границ в этой части Пелопоннеса имела иной характер, чем было принято предполагать. Относительно того утверждения, что в декрете синедров Фурии речь идет о тех же событиях, которые отражены в надписи из Олимпии, следует заметить, что территориальные споры между полисами Пелопоннеса могли длиться столетиями, и попытки их разрешения могли предприниматься неоднократно, как показывает пример той же Денфелиатиды. Можно предполагать, что спор между Фурией и Мегалополем, улаженный при участии Ахейского союза, возобновился с новой силой после римского завоевания. Аристомен, упомянутый в декрете Фурии, вполне мог быть внуком того Аристомена, имя которого фигурирует в надписи из Олимпии, и если это так, то постановление фурийских синедров должно датироваться концом 40-х или 30-ми годами II в., т.е. тем периодом, когда некоторые общины Пелопоннеса стали пользоваться недавней переменной власти как удобной возможностью для заявления требований о пересмотре границ²³.

Еще один довод, которым можно было бы подкрепить утверждения Пьерара, представляет собой своего рода доказательство от противного. В том городе Пелопоннеса, политическое устройство которого в римский период известно

²¹ Обзор событий, связанных с этим спором, см. в работе Luraghi 2008, 16–27.

²² Shipley 2000, 386; Cartledge, Spawforth 2002, 82–83, 127–128; Luraghi 2008, 19–23.

²³ М. Гвардуччи в свое время также предположила, что эти две надписи отражают два разных этапа территориального спора (Guarducci 1932, 85, n. 2). Пьерар вскользь упоминает о проблеме датировки этой надписи, но ограничивается тем, что без всякой аргументации относит ее к I в. (Piérart 2013a, 26, n. 29), сославшись на другую работу (Deshours 2004, 138), где эта датировка также ничем не обосновывается.

лучше всего благодаря обилию надписей, а именно в Спарте, органа под названием «синедрион» никогда не существовало²⁴. Спарта находилась в составе Ахейского союза со 192 г., а в 188 г. ахейцы реформировали политический строй Лакедемона, заменив исконные спартанские учреждения государственными институтами ахейского типа²⁵. Если бы переименование городского совета в полисах Пелопоннеса восходило ко временам расцвета Ахейского союза, то следовало бы ожидать появления упоминаний о «синедрах» и в спартанских документах, однако именно в Спарте, в отличие от многих других полисов, этот термин эпиграфически не засвидетельствован. Самое очевидное объяснение этому состоит в том, что реформы, проведенные Муммием и сенатской комиссией, распространялись лишь на те города, которые, сохраняя верность Ахейскому союзу, участвовали в войне против Рима (πόλεων δέ, ὅσαι Ῥωμαίων ἐναντία ἐπολέμησαν: Paus. VII. 16. 9); Спарта же, как известно, накануне римского завоевания подняла против федерации вооруженный мятеж, который в конечном итоге и привел к Ахейской войне. В ходе урегулирования, принятого в 146 г., лакедемоняне не рассматривались римлянами ни в качестве побежденных, ни в качестве союзников; скорее всего, их государство получило статус свободной общины (*civitas libera*)²⁶. Поэтому предписания римской комиссии относительно изменений в политическом устройстве городов Спарты не коснулись, а это значит, что лакедемоняне, в отличие от других греков Пелопоннеса, не были обязаны учреждать в своем городе новый тип совета под названием «синедрион».

Таким образом, все приведенные выше соображения указывают на то, что члены городских советов в Пелопоннесе стали называться синедрами в результате реформы, проведенной по распоряжению Муммия и сенатской комиссии в 146 г. Название «синедрион» употреблялось в греческом мире задолго до этого, однако главным образом для обозначения совещательных органов в союзах и федерациях²⁷. Теперь же этот термин стал обязательным и универсальным

²⁴ Единственный случай, когда в эпиграфическом источнике говорится о «синедрионе» Спарты, следует считать результатом канцелярской ошибки. В послании спартанцам, отправленном одним из императоров II в. н.э., содержится указание, чтобы апелляции, подаваемые лакедемонянами в римский суд, вначале разбирались на месте «синедрами» (*IG V. 1. 21*). С учетом того, что ни один из многочисленных документов, составленных в самой Спарте, таких должностных лиц не упоминает, следует предполагать, что в данном случае сотрудниками императорской канцелярии была допущена неточность. Возможно, под «синедрионом» подразумевался орган, который в римской Спарте назывался βουλά (Cartledge, Spawforth 2002, 142).

²⁵ Liv. XXXVIII. 34. 3: *uti... Lycurgi leges moresque abrogarent, Achaeorum adsuescerent legibus institutisque*. См. также Liv. XXXVIII. 34. 9; XXXIX. 36. 4; 37. 2–8; Plut. *Philop.* 16. 8; *Tit.* 22. 6.

²⁶ Strabo VIII. 5. 5: *ἔμειναν ἐλεύθεροι, πλὴν τῶν φιλικῶν λειτουργιῶν ἄλλο συντελοῦντες οὐδέν*. См. Zhebelev 1903, 106–108; Piper 1986, 138–139; Cartledge, Spawforth 2002, 85–86; Kennell 2010, 182.

²⁷ Kahrstedt 1932, 1333–1346. Именно эта связь термина συνέδριον с федеративными и союзными объединениями, по мнению П. Амона, служит доводом в пользу того, что переименование городского совета в Пелопоннесе и некоторых других областях Греции в «синедрион» явилось следствием перестройки городских учреждений по образцу федеральных: союзные советы в федерациях формировались на основе имущественного ценза, а затем этому примеру последовали и полисы (Hamon 2005, 131–132). Таким образом, происхождение нового названия городских советов объясняется заимствованием

названием городских советов. Разумеется, возникает вопрос: в чем заключался смысл этого переименования? Вполне логичным и очевидным представляется объяснение, которое предлагает все тот же Пьерар: греческое слово *σύνεδροι* при данных обстоятельствах являлось не чем иным, как переводом латинского *senatores*. На этот счет имеется красноречивое свидетельство Ливия, который поясняет для римского читателя, что греки называют сенаторов «синедрами» (Liv. XLV. 32. 2: *senatores quos synhedros vocant*). Современник событий Полибий часто использует для обозначения римского сената, наряду с более официальным названием *σύγκλητος*, существительное *συνέδριον*²⁸. Пьерар обращает внимание на любопытное и более нигде не встречающееся выражение, с помощью которого Полибий вкратце характеризует новую форму правления в Македонии, которая по воле римлян пришла на смену монархии: *δημοκρατικὴ καὶ συνέδριακὴ πολιτεία* (Polyb. XXXI. 2. 12). По остроумной догадке Пьерара, эта греческая фраза восходит к известной латинской формуле *senatus populusque*, означающей правление сената и народа (у Полибия – в обратном порядке: народа и сената)²⁹. Предписания римских властей относительно нового устройства греческих государств составлялись на латыни, а затем переводились на греческий, и в соответствии с уже сложившейся традицией слово *senatus* превращалось в *συνέδριον*, а «сенаторы» становились «синедрами».

Придя к такому выводу и отметив, что переименование городских советов, наряду с другими мерами, принятыми Муммием и комиссией, было связано с передачей власти имущей верхушке гражданских коллективов, М. Пьерар завершает на этом свои рассуждения³⁰. Между тем, сделанное им наблюдение открывает широкие возможности для достаточно обоснованных предположений о содержании реформ политического устройства пелопоннесских полисов, проведенных римлянами в 146 г. Прежде всего немаловажные выводы должны вытекать из двух неоспоримых фактов. Во-первых, теперь следует считать доказанным, что изменения государственного устройства бывших ахейских городов не сводились к введению ценза при выборах на должности. Муммий и сенатская комиссия разработали определенные предписания относительно преобразования городских советов, которые в латинском оригинале именовались «сенатами». Излишне говорить, что правила, касавшиеся городских

федеральных порядков на местах. Такое объяснение, по крайней мере, в том, что касается Ахейского союза, представляется совершенно беспочвенным. В Ахейской федерации никогда не было органа под названием «синедрион», да и само существование союзного совета во времена расцвета Ахейского государства вызывает большие сомнения (см. подробнее Sizov 2015, 107–114). Не существует и свидетельств, подтверждающих наличие имущественного ценза как обязательного требования к кандидатам на федеральные должности. Наконец, довольно странной выглядит сама логика рассуждений Амона, который заявляет, что переименование городских советов в Пелопоннесе имело место в 146 г. («la métonomasie... s'observe dans le Péloponnèse en 146 av. J.-C.»: Hamon 2005, 132, п. 36), но в то же время утверждает, что образцом для нового типа совета служил федеральный орган того самого Ахейского союза, который в этом же году был уничтожен римлянами.

²⁸ Mauersberger 2002, 172–178, 327–328.

²⁹ В более ранних работах смысл этого выражения передавался несколько иначе, например: «демократическое и представительное правление» (Larsen 1968, 297) или «демократическое правление с опорой на совет» (Walbank 1979, 467).

³⁰ Piérart 2013a, 28–32.

советов, должны были носить постоянный и бессрочный, а не временный характер; иначе термины «синедрион» и «синедры» в пелопоннеской эпиграфике не сохранялись бы в течение столь длительного периода. Во-вторых, это преобразование должно было оказаться настолько существенным, что греки Пелопоннеса не сочли возможным сохранить традиционное название совета, ограничившись небольшими изменениями в его устройстве или функциях, а учредили в своих городах, в сущности, совершенно новый орган под названием, продиктованным римлянами.

В чем могло заключаться его отличие от традиционного греческого βουλή? То, что мы знаем об аналогичных мероприятиях римлян в период Поздней республики в других частях греческого мира, подсказывает, что речь идет прежде всего о новом порядке формирования совета. Согласно нормам, которые установил Помпей во вновь созданной провинции Вифиния—Понт (lex Pompeia, 60-е годы I в.), городские советы должны были пополняться лицами не моложе 30 лет, ранее занимавшими выборные должности, причем список советников составлялся местными цензорами³¹, что исключало прямые выборы совета в народном собрании и подразумевало пожизненный срок полномочий советников, кроме тех, кого цензоры по определенным причинам должны были вычеркнуть из списка (Plin. Ep. X. 79. 1–3; 112. 1; 114. 1)³². Тем самым городские советы становились своеобразными подобиями римского сената, что гарантировало внутреннюю стабильность в новых провинциях³³.

Столь кардинальную перестройку городских учреждений по римскому образцу Кэллет-Маркс считает «новшеством» в римской политике на Востоке. Только теперь, пишет он, проявилась «невиданная прежде готовность римлян к широкой административной реорганизации»³⁴. Однако сведения о римских мероприятиях на другом краю греческого мира, а именно в провинции

³¹ В эпиграфике Вифинии, где развитый полисный строй существовал задолго до основания здесь римской провинции (Gabelko 2005, 458–504), магистраты, подобные римским цензорам, появляются лишь после римского завоевания, и единодушное мнение исследователей сводится к тому, что введение этой должности было результатом распоряжений Помпея; разногласия касаются лишь того, каково было первоначальное греческое название должностных лиц, которых Плиний называет «цензорами» и которые были ответственны за пополнение городских советов, — τιμηταί или известные по надписям более позднего времени βουλογράφοι (Sherwin-White 1966, 672–673; Ameling 1984, 19; Quass 1993, 382–383; Fernoux 2004, 143; Dmitriev 2005, 201–203; Bekker-Nielsen 2008, 77–78; Le Teuff 2010, 204).

³² Обычно предполагается, что Помпей установил и определенный имущественный ценз для кандидатов в советники (см., в частности, Sherwin-White 1966, 670; Kallet-Marx 1995, 330; Fernoux 2004, 143; Couvenhes, Heller 2006, 44), однако прямых свидетельств на этот счет не имеется, и можно допустить, что Помпей воздержался от того, чтобы ввести одинаковый размер цензовых ограничений во всей провинции, вероятно, принимая во внимание невысокий уровень достатка граждан в основанных им новых гражданских общинах на территории Понта (Madsen 2009, 37–38). Если согласиться с этим последним предположением, то следует считать, что размер ценза определялся городами. В любом случае назначение членов совета именно цензорами подразумевает, что размер состояния того или иного кандидата служил важным, если не решающим критерием отбора.

³³ См. оценку подоплеки данной реформы в работах: De Ste Croix 1981, 529–530; Ameling 1984, 19–22; Quass 1993, 382–383; Fernoux 2004, 142–145.

³⁴ Kallet-Marx 1995, 330–331.

Сицилии, отчетливо демонстрируют, что Помпей не изобретал ничего нового и действовал в русле давно сложившейся традиции. Имеется предположение, что подробные предписания относительно политического строя городов Сицилии содержались в провинциальном уложении, составленном консулом 132 г. Публием Рупилием и известном как *lex Rupilia*³⁵. К сожалению, в единственном источнике, который упоминает Рупилиев закон — в одной из речей Цицерона против Верреса — цитируются только те положения этого нормативного акта, которые касаются судебно-процессуальной сферы (Verr. II. 2. 32; 39; 40; 90)³⁶, хотя содержание Рупилиева закона не сводилось к упорядочению судопроизводства: Цицерон заявляет, что предшественники Верреса скрупулезно соблюдали эти нормы «и в прочих отношениях, и в том, что касается судов» (*et in ceteris rebus et in iudiciis*: Verr. II. 2. 40). Тем не менее в литературе последних лет преобладает точка зрения, что Рупилиев закон не включал в себя предписания относительно городского строя в полисах провинции, а явные черты единообразия в организации городского управления в различных общинах Сицилии могут иметь другие объяснения³⁷.

Как бы то ни было, в тех же «Верринах» содержатся данные о трех случаях, когда римляне даровали законы о политическом устройстве трем сицилийским полисам по их же просьбе. Уже упомянутый Публий Рупилий в 132 или 131 г. составил такие законы для Гераклеи Минойской (Cic. Verr. II. 2. 125)³⁸; в 95 г. по указанию сената претор Гай Клавдий Пульхр написал аналогичные законы для города Галесы, посоветовавшись с представителями семейства Марцеллов, наследственных патронов Сицилии (Verr. II. 2. 122); наконец, влиятельный римский деятель, которого Цицерон называет просто «Сципионом», вероятно, покоритель Карфагена Сципион Эмилиан³⁹, даровал новые предписания о городском устройстве Агригенту (Verr. II. 2. 123–124). В каждом из этих случаев обращение сицилийцев к римлянам было вызвано конфликтом между коренными гражданами и новыми поселенцами⁴⁰, причем причиной раздоров каждый раз были претензии обеих сторон на вакантные места в городском совете, что весьма примечательно само по себе, поскольку становится очевидным, какой орган в полисах провинции считался средоточием власти. Установленные

³⁵ Carcopino 1914, 73; Scramuzza 1937, 246–248; De Ste Croix 1981, 522; Nicolet 1988, 151; Serrati 2000, 113; Baronowski 2011, 144. По мнению Ж.-Л. Феррари, римляне провели реформу и унификацию городских конституций в Сицилии еще ранее, на рубеже III и II вв. (Ferrary 1988, 22).

³⁶ См. подробный анализ этих норм в работах: Mellano 1977; Maganzani 2007; Kantor 2010; Fournier 2010.

³⁷ Kirbihler 2009, 31–32; Prag 2014, 170–172, 176–177; Covino 2016, 160–161.

³⁸ Сам этот факт может служить серьезным аргументом против предположения о том, что Рупилий единым актом реформировал городские учреждения во всей провинции.

³⁹ Довольно убедительные аргументы в пользу данной идентификации «Сципиона» приводятся в работах: Brennan 1993, 178–183; Covino 2012, 1–18. В более ранних исследованиях высказывались предположения, что законы Агригенту дал Сципион Старший незадолго до окончания II Пунической войны, либо его брат Луций Сципион в 193 г. (см., в частности, Scramuzza 1937, 234; Gabba 1959, 310, n. 9; Broughton 1986, 334, n. 2; Shackleton Bailey 1992, 65).

⁴⁰ Анализ политической ситуации, сложившейся в этих городах, и задач, которые ставили перед собой римские законодатели (предотвращение смуты), см. в работе: Covino 2013, 20–25.

римлянами нормы способствовали разрешению споров между «старыми» и «новыми» гражданами, однако для наших целей наиболее интересны те предписания, которые устанавливали общие правила формирования совета.

Более подробно Цицерон повествует о законах, данных Галесе, оговариваясь затем, что в Агригенте и Гераклее нормы, регулирующие пополнение совета, были «теми же» или «примерно такими же» (Verr. II. 2. 123; 125). Кандидат, претендующий на зачисление в городской совет Галесы, согласно римским правилам, должен был отвечать нескольким критериям: *aetas*, *census*, *questus*, *ceterae res* (возраст, имущественный ценз, источник дохода, прочее); аналогичные требования относительно *aetas*, *ordo* (в данном контексте — принадлежность к имуществу сословию) и *questus* содержались и в законах Агригента (Verr. II. 2. 122—123). Возраст советника в сицилийской Галесе, как и в малоазийской Вифинии, должен был составлять не менее 30 лет (Verr. II. 2. 122), размер ценза неизвестен, а ограничения, касавшиеся рода занятий, исключали из числа кандидатов представителей некоторых профессий, например, глашатаев (Verr. II. 2. 122)⁴¹. Что касается *ceterae res*, то еще одним требованием к кандидату в советники вполне могло быть наличие опыта пребывания на общественной должности, хотя прямых свидетельств относительно того, что городские советы Сицилии формировались из экс-магистратов, не имеется.

Говоря о пополнении городских советов в Сицилии, Цицерон постоянно использует глагол *cooptare* (Verr. II. 2. 120—125), который, однако, в его лексиконе далеко не всегда означает кооптацию в ее нынешнем понимании. В других произведениях словом *cooptatio* оратор обозначает заполнение освободившихся вакансий в каком-либо органе (римском сенате, жреческих коллегиях, муниципальном совете Путеол) различными способами: единоличным решением Ромула или Цезаря (Rep. II. 9. 16; De divin. II. 23), выборами, в том числе в народном собрании (Lael. 25. 96; Cael. 2. 5), наконец, постановлением цензоров (*cooptatio censoria*: Leg. III. 27). В последнем случае имеется в виду пополнение римского сената, производимое цензорами, а это наводит на мысль, что и в Сицилии была введена процедура, аналогичная римской *lectio senatus*, тем более что в каждом из городов этой провинции, по римскому образцу, избирались каждые пять лет два магистрата, которых Цицерон называет «цензорами» и которые производили оценку имущества граждан (Verr. II. 2. 131; 136—139)⁴². Впрочем, говоря о пополнении сицилийских городских советов, оратор использует

⁴¹ О других «неблагородных» в глазах римской знати способах заработка свидетельствует так называемый Юлиев закон о муниципиях (*lex Iulia municipalis*), который закрывал доступ в муниципальные советы Италии не только глашатаям, но и могильщикам, ланистам, актерам, сводникам и представителям некоторых других профессий (*CIL* I². 593, II. 104—107; 123—124).

⁴² Поскольку ценз по всей Сицилии проводился одновременно (*quinto quoque anno Sicilia tota censetur*: Cic. Verr. II. 2. 139), его организация предполагает наличие неких централизованных норм, установленных римскими властями. Должностные лица, занимавшиеся оценкой имущества граждан, могли существовать в городах острова и до римского завоевания, но единообразные правила относительно численности, срока полномочий и должностных обязанностей цензоров были явно разработаны римлянами на основе их собственного опыта (Le Teuff 2010, 202—203). Сомнения на этот счет со ссылкой на отсутствие прямых свидетельств о проведении Римом масштабной реорганизации городских учреждений Сицилии (Prag 2014, 171) представляются неосновательными.

и другой термин — *suffragia*, т.е. голосование, которое по закону было необходимо проводить с этой целью в разных городах, в том числе в Галесе, где действовали установленные римлянами нормы *de senatu cooptando* (Verr. II. 2. 120; 122). В научной литературе это одновременное употребление терминов *cooptatio* и *suffragia* для обозначения способа пополнения городских советов вызвало несколько попыток истолкования: 1) новых членов кооптировали в свой состав сами советники, а затем их решение утверждалось народом⁴³; 2) в одних городах вакантные места в совете заполнялись по решению самого совета, а в других — по итогам народного голосования⁴⁴; 3) новые советники назначались цензорами, вероятно, с учетом мнения большинства членов совета⁴⁵.

Все эти объяснения так или иначе связаны с современным пониманием слова «кооптация», хотя, как уже было отмечено, у Цицерона оно означает всего лишь заполнение вакансий. Кроме того, существительное *suffragia* оратор почти всегда использует для обозначения голосования в народном собрании⁴⁶. Поэтому следует предположить, что кандидатуры новых советников хотя бы формально утверждались народом, но имена кандидатов называли цензоры, которые собирали и хранили информацию об имущественном состоянии и роде занятий каждого гражданина. О том, что «выборы» советников были безальтернативными и давно превратились в формальную процедуру, свидетельствует то, что в течение трех лет, пока наместником Сицилии был Веррес, голосование по данному поводу не проводилось вообще, а новые городские советники назначались по указанию пропретора — разумеется, за взятку (Verr. II. 2. 120), однако Цицерон упоминает об этом вскользь; гораздо большее значение он придает тому, что Веррес нарушил установленные законами пропорции между «старыми» и «новыми» гражданами в советах Галесы, Гераклеи и Агригента, что могло привести к возобновлению внутренних конфликтов в этих городах.

Какой бы ни была процедура пополнения местных советов, ни у кого из исследователей не возникает сомнений в том, что однажды назначенный советник занимал свой пост пожизненно. Об этом свидетельствуют и сам глагол *cooptare*, который у Цицерона всегда обозначает пополнение органа, членство в котором было пожизненным, и язвительное, хотя, возможно, и не лишнее преувеличение замечание оратора насчет того, что за три года наместничества Верреса ни один человек в провинции не стал городским сенатором бесплатно (Verr. II. 2. 120)⁴⁷, и, наконец, конкретный случай в Агригенте, когда место в совете освободилось лишь после смерти одного из его членов (II. 2. 124). Характерно, что совокупность городских советников Цицерон называет *ordo* (II. 2. 120), т.е. сенаторским сословием, что подразумевает пожизненный статус и наличие определенных привилегий.

Таким образом, сохранившаяся отрывочная информация о римских мероприятиях по реорганизации политического устройства греческих или

⁴³ Holm 1898, 90.

⁴⁴ Gabba 1959, 307–313.

⁴⁵ Larsen 1955, 129; De Ste Croix 1981, 522.

⁴⁶ См. примеры, собранные в лексиконе Merguet 1905, 707.

⁴⁷ В провинции Сицилии насчитывалось 65 или 68 гражданских общин (Cic. Verr. II. 2. 137; Plin. *NH*. III. 86–92). Если бы в каждой из них городской совет переизбирался ежегодно, единолично подбирать кандидатуры тысяч советников, обложив их поборами, было бы не под силу даже Верресу.

ДАННЫЕ О ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКИХ СОВЕТОВ В ПРОВИНЦИЯХ РИМСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ СОГЛАСНО НОРМАМ, УСТАНОВЛЕННЫМ РИМЛЯНАМИ

	Вифиния—Понт	Сицилия
Возрастной ценз для кандидатов в советники	30 лет	30 лет
Имущественный ценз для кандидатов в советники	не упоминается, но должен был существовать, так как советников назначали цензоры	был установлен
Исключение из числа кандидатов лиц определенных профессий	не упоминается	было предписано
Зачисление в совет лиц, исполнявших ранее общественную должность	было предписано	не упоминается
Существование цензоров, срок их полномочий, участие цензоров в формировании совета	цензоры вносили новые имена в список членов совета, срок их полномочий неизвестен	цензоры избирались на пять лет, прямых свидетельств об их участии в пополнении советов нет
Утверждение назначения новых советников народным собранием	не упоминается	подразумевается под словом «suffragia»
Пожизненный срок пребывания в совете	логически вытекает из указаний источника, не оспаривается никем из исследователей	логически вытекает из указаний источника, не оспаривается никем из исследователей

эллинизированных полисов в столь отдаленных друг от друга областях Римской державы, как Вифиния и Сицилия, приводит к однозначному выводу: первостепенное значение римляне придавали городскому совету, который они стремились превратить в местное подобие своего собственного сената. Те обрывки сведений, которые можно извлечь из корреспонденции Плиния Младшего и «Веррин» Цицерона, не содержат серьезных противоречий и во многом дополняют друг друга, как показывает таблица 1.

Следует подчеркнуть, что все эти сведения, сколь бы отрывочными и неполными они ни были, сохранились лишь в литературных источниках. Возвращаясь к теме римских реформ в Пелопоннесе, можно лишь выразить сожаление, что организация власти в городах Южной Греции после римского завоевания не нашла отражения в нарративной традиции, если не считать краткого замечания в произведении Павсания. Эпиграфические источники позволяют судить о том, как назывались органы власти в пелопоннесских полисах, и какие решения они принимали, однако не содержат данных о порядке их формирования. Прямые свидетельства о реорганизации городских советов в Пелопоннесе сводятся к тому, что такая реорганизация была предпринята и ознаменовалась переименованием βουλή в συνέδριον, т.е. в «сенат»; кроме того, слова Павсания

(VII. 16. 9) о введении имущественного ценза для представителей власти должны касаться и городских советников, поскольку греческое понятие ἀρχαί охватывало не только магистратов, но и булевтов⁴⁸. Обо всем остальном можно судить лишь с помощью аналогий, руководствуясь простым соображением: если на протяжении многих десятилетий государственные деятели Римской республики — Фламиний, Рупилий, Помпей и другие — проводили в разных частях греческого мира реформу примерно одного и того же содержания, то почему мероприятия Муммия в Пелопоннесе должны были быть исключением? Создание «сенатов» в городах бывшего Ахейского союза, по всей очевидности, должно было подразумевать не только введение цензовых ограничений для членства в совете, но и другие перемены, которые должны были соответствовать представлениям римской элиты о благоустроенном полисе, включая отмену ежегодных перевыборов совета⁴⁹.

Разумеется, утверждение, что в Пелопоннесе были установлены те же самые нормы, что и в Вифинии или Сицилии, при нынешнем состоянии источников является лишь гипотезой. В частности, представляется вполне возможным, что Муммий установил порядок пополнения местных сенатов по тому же римскому образцу: новые советники должны были назначаться из числа экс-магистратов по решению цензоров с последующим утверждением в народном собрании (или без оно́го). Такое предположение несколько не противоречит эпиграфическим данным, однако и не подтверждается ими: с одной стороны, в эпиграфике римского Пелопоннеса неизвестны должностные лица под названием τιμηταί (цензоры), хотя само периодическое проведение оценки имущества граждан, несомненно, имело место⁵⁰; с другой стороны, τιμηταί не упоминаются и в сицилийских надписях римского времени, так что до сих пор неизвестно, назывались ли

⁴⁸ Кэллет-Маркс, стремясь доказать, что фраза Павсания о введении ценза не подразумевает существенных перемен в организации власти, подчеркивает, что требования относительно имущественного достатка Муммий предъявлял лишь к магистратам, да и то в качестве временной меры (Kallet-Marx 1995, 67). На самом деле слово ἀρχαί относилось не только к представителям «исполнительной» власти, но и к полисным советам (Aristot. *Pol.* III. 1282a34–75; 1306b6–9; VI. 1317b30–1; 1322b12–17; 1323a6–10; см. Baronowski 2011, 142–143).

⁴⁹ Предположение о том, что римляне сделали статус городских советников пожизненным, уже высказывалось в литературе, однако без подробного обоснования (см. Fournier 2010, 105 и указанные там более ранние работы). Пожалуй, лишь в книге Д. Бароновского это мнение подкреплено основательной аргументацией (Baronowski 2011, 144–147), хотя главный довод в пользу указанной гипотезы — данные о возникновении именно в 146 г. нового органа под названием «синедрион», т.е. «сенат» — там не использован. В работе Бароновского кратко упомянуты аналогичные мероприятия римлян в Вифинии и Сицилии (в последнем случае со спорной ссылкой на *lex Rupilia*), довольно подробно рассмотрены сведения о возвышении афинского ареопага после римского завоевания (что, однако, служит лишь косвенной аналогией, поскольку в Афинах римляне не проводили политических реформ), и предложены соответствующие толкования некоторых пелопоннесских надписей, о которых речь пойдет ниже.

⁵⁰ В частности, взимание введенного римскими властями чрезвычайного налога на территории Мессении производилось самими мессенянами, причем налоговые тяготы распределялись пропорционально доходам граждан (*JG V.* 1. 1432–1433; см. Migeotte 2008, 229–243). Это подразумевает существование особых должностных лиц, занятых сбором и проверкой сведений об имуществе мессенян, хотя в данных надписях они и не упомянуты (Le Teuff 2010, 201).

по-гречески «цензоры», упомянутые Цицероном, именно так, или как-то иначе. Отсутствие таких сведений может объясняться сравнительной немногочисленностью сохранившихся в этих регионах официальных документов и их специфическим характером. Большинство полисных декретов этого периода представляют собой постановления о даровании почетных званий и привилегий, а магистраты с цензорскими функциями к процедуре принятия таких декретов не имели никакого отношения. Нет в нашем распоряжении и таких документов, которые позволили бы судить, действовал ли в Пелопоннесе римский принцип пополнения городских советов бывшими магистратами.

В тех редких случаях, когда какая-то надпись содержит фразу, позволяющую хотя бы предположительно судить о способе формирования городского совета и сроке полномочий синедров в том или ином городе, такая фраза может допускать прямо противоположные толкования. Так, в почетном декрете из городка Паги в Мегариде (середина I в.)⁵¹ постановляющая часть начинается довольно необычной, не имеющей аналогий формулировкой: ἔδ[οξε τοῖς ἄρχουσιν καὶ συνέδροις τοῖς ἐκ πάντων τῶν ἐτέων καὶ τῷ δάμ[ω] (сткк. 38–39). Остается неясным, что означает фраза «магистраты и синедры всех лет», и относится ли выражение ἐκ πάντων τῶν ἐτέων только к членам совета, или также к должностным лицам. Р. Бернхардт ссылается на эту надпись в подтверждение своего вывода относительно того, что синедры переизбирались ежегодно⁵², очевидно, подразумевая, что в принятии данного декрета участвовали не только советники, избранные в данном году, но и те, которые входили в совет прежде, но затем выбыли из его состава. Примерно так же понимает смысл процитированного выше выражения П. Амон⁵³. Напротив, Ж.-Л. Феррари видит в этой фразе свидетельство того, что в городе уже стало складываться сенаторское сословие⁵⁴, поскольку избранные в предыдущие годы синедры продолжали участвовать в работе совета. Д. Бароновский приходит к тому же выводу о пожизненном статусе синедров в этом городе, но толкует интересующую нас формулировку несколько иначе: поскольку решение совета могло приниматься только теми его членами, которые входили в состав синедриона в данном году, выражение «синедры всех лет» должно отражать определенную иерархию среди советников. Эта иерархия зависела от того, в каком году тот или иной советник стал членом синедриона, так что синедры с наибольшим стажем имели более высокий ранг. Поэтому смысл фразы «синедры всех лет» можно передать таким образом: «все синедры, от самых старших до самых младших»⁵⁵. Это последнее толкование кажется наиболее удачным, учитывая, что весь этот декрет в честь Сотела, благодетеля города, отличается многословием и пышностью стиля⁵⁶. Гораздо менее вероятным представляется то, что имел в виду Бернхардт: если совет

⁵¹ IG VII. 190 в чтении А. Вильгельма, который добавил к надписи новый фрагмент (Wilhelm 1907, 17–20).

⁵² Bernhardt 1985, 222, Anm. 615.

⁵³ Hamon 2005, 132.

⁵⁴ Ferrary 1987/1989, 212 : la constitution d'un *ordo* au sein de la cite.

⁵⁵ Baronowski 2011, 146.

⁵⁶ Небогатый городок мог отблагодарить Сотела лишь почетным званием и похвалами, составленными в самых выспренних выражениях. Даже статую благодетеля, которую было предписано водрузить «там, где он захочет, на самом заметном месте на городской площади» (сткк. 41–42), Сотелу, несомненно, пришлось заказывать за свой счет (Gauthier 2000, 57; Ma 2013, 246).

переизбирался ежегодно, и на заседание синедриона были приглашены все его бывшие члены с правом решающего голоса (что вряд ли являлось законной процедурой в обычном греческом полисе), то в маленьком городке подобная ассамблея едва ли могла существенно отличаться от народного собрания, которое затем все же пришлось созывать отдельно.

Другая надпись, на которую в подтверждение тезиса о ежегодных перевыборах совета ссылаются Бернхардт и Амон⁵⁷, — декрет Антигонии (бывшей Мантиней; IG V. 2. 266), содержит фразу, которая также допускает двоякое толкование. В данной псефисме имеется ссылка на решение «должностных лиц и синедров, которые были таковыми в сто третьем году» (καθὼς ἔδοξε τοῖς ἄρχουσι καὶ συνέδροις τοῖς ἐν τῷ τρίτῳ καὶ ἑκατοστῷ ἔτ[ει]: сткк. 41–42). С точки зрения упомянутых исследователей, данное выражение должно означать, что местный синедрион в 103 году провинциальной эры (43/42 г.) имел совершенно иной состав, чем в предыдущем или следующем году, а значит, синедров ежегодно переизбирали, на что Бароновски резонно возражает, что и в составе органа, состоящего из пожизненных членов, могли происходить изменения, и поэтому хронологическое уточнение «которые были таковыми в сто третьем году» вовсе не доказывает, что срок полномочий советников составлял один год⁵⁸.

Таким образом, эпиграфические свидетельства не позволяют ни опровергнуть, ни подтвердить предположение относительно того, что городские советы Пелопоннеса были превращены в подобию римского сената, однако приведенные выше аналогии заставляют думать, что так оно и было. Во всяком случае, противоположное мнение, согласно которому Муммий не произвел никаких существенных и долговременных изменений в городских конституциях, выглядит сейчас гораздо менее обоснованным: если способ формирования городских советов (ежегодные выборы) был оставлен в неизменном виде, то какой смысл имело введение для них нового названия, которое было греческим эквивалентом латинского слова *senatus*? Конечно, можно предполагать, что переименование совета было вызвано лишь введением ценза для его членов при сохранении принципа ежегодной сменяемости его состава⁵⁹, однако и такая точка зрения требует подробного обоснования и, в частности, разъяснений, почему в Пелопоннесе, в отличие от Вифинии и Сицилии, римляне, реформируя городские советы, ограничились полумерами, и почему для жителей Пелопоннеса, которым цензовые ограничения для занятия должностей были знакомы давно, новый строй оказался непривычным, вызывавшим непонимание и недоумение, так что Полибию пришлось, объезжая города, тщательно разбирать (διευκρινῆσαι) все спорные вопросы, связанные с внедрением новой «политии» (Polyb. XXXIX. 5. 2). Как бы то ни было, в настоящее время уже нельзя отвергать мнение относительно пожизненного статуса городских советников лишь на том

⁵⁷ Bernhardt 1985, 222, Anm. 615; Hamon 2005, 132, n. 37.

⁵⁸ Baronowski 2011, 146. Это же соображение можно отнести и к фразе *κύριον ἔστω τὸ ἐφ' ἑτο[ς] συνέδριον* в надписи из Мегалополя (IG V. 2. 433 = *IPArk* 30. 1. 7), на которую ссылается Амон (Hamon 2005, 132, n. 37).

⁵⁹ Mueller 2014, 206–207. Данная работа носит обзорный характер, и, возможно, поэтому автор не считает нужным подкрепить это мнение какой-либо аргументацией, ограничившись тем, что называет утверждение о пожизненном статусе советников в римском Пелопоннесе «предвзятым».

основании, что «это точно не известно»⁶⁰, и полагать, что отсутствие прямых свидетельств само по себе подразумевает сохранение прежних порядков.

Еще одним следствием реформы, проведенной римлянами в 146 г., было изменение соотношения полномочий совета и народного собрания. На этот счет имеются уже не только аргументы, основанные на аналогиях, но и конкретные подтверждения, почерпнутые из местных эпиграфических источников. Данные об объеме власти городских советов в Сицилии однозначно свидетельствуют о том, что многие важные вопросы, затрагивавшие интересы всей общины, решались советом самостоятельно, без вынесения их на утверждение народного собрания. «Сенаты» сицилийских полисов по-хозяйски распоряжались городским имуществом и казной (Cic. Verr. II. 2. 47; 3. 89; 5. 44;), вводили новые налоги (*senatus consultum de tributo conferundo*: Verr. II. 3. 100), выносили приговоры по уголовным и судебные решения по гражданским делам (Verr. II. 2. 32; 4. 100). В тех случаях, когда Веррес требовал отдать ему ту или иную статую божества, которая являлась не только произведением искусства, но и почитаемой в городе святыней, судьба этих изваяний всякий раз решалась в сенате (Verr. II. 2. 88; 4. 76; 4. 85). Народ мог лишь оказать давление на сенаторов, устроив стихийный митинг у стен городского совета (Verr. II. 4. 87).

Гораздо реже мы узнаем о случаях, когда решения принимались народным собранием (иногда по предложению сената — *senatus decrevit populusque iussit*: Verr. II. 2. 161), причем речь всякий раз идет либо о почестях тому или иному лицу, которые даруются или отменяются народом (IG XIV. 356; Cic. Verr. II. 2. 161), либо о выборах должностных лиц или членов городского посольства (Verr. II. 2. 126–128; 131; 138; 3. 138; 5. 14). Таким образом, сфера компетенции народного собрания выглядит весьма ограниченной⁶¹. Разительное сходство функций городских советов в этой провинции с полномочиями римского сената косвенно свидетельствует о том, что римляне прилагали определенные усилия к тому, чтобы в сицилийских общинах решающую роль в управлении стало играть местное «сенаторское сословие»⁶².

Некоторые данные позволяют предположить, что и политика римлян в Пелопоннесе вела к тому же результату. Наиболее интересные сведения по этому поводу содержатся в эпиграфических документах из Мессении, прежде всего в «Надписи о мистериях» из Андании, которая представляет собой детально расписанный регламент (διδάγμα) подготовки и проведения религиозного

⁶⁰ Mueller 2014, 206: il n'est pas certain que ces conseillers d'un nouveau genre aient été désormais nommés à vie.

⁶¹ В рамках настоящей статьи нет возможности рассматривать дискуссионный вопрос о том, превратилось ли народное собрание в греческих полисах, входивших в Римскую державу, в преимущественно декоративный институт (в свое время господствовавшее мнение — см., например, Liebenam 1900, 247–248), либо продолжало играть важную политическую роль (на чем настаивают некоторые авторы недавних работ, в частности, Fernoux 2011). Данные по Сицилии скорее подтверждают первую из этих точек зрения, но сведения из других провинций (в основном времен Империи) могут представить несколько иную картину политической жизни греческих городов. Тем не менее, сам тот факт, что под римской властью городской совет приобрел невиданные прежде полномочия, представляется неоспоримым.

⁶² О распределении полномочий между органами власти в городах римской Сицилии см. подробнее Sizov 1980, 114–116; Prag 2014, 176–177.

празднества в святилище Аполлона Карнейского⁶³. Наиболее важные решения, касающиеся организации празднества, входили в компетенцию совета синедров Мессены. Они осуществляли контроль над доходами и расходами, заслушивая на первом же своем заседании после окончания мистерий отчет комиссии из пяти человек, ведавшей финансовой стороной празднества (сткк. 48–49) и отдавая (вместе с городскими магистратами) распоряжение о выделении дополнительных сумм на благоустройство святилища (сткк. 55–57). Вопрос о том, какие посвящения богам следует сделать во время празднества, опять же решается синедрами (стк. 89). Наконец, мессенский синедрион наделяется правом по своему усмотрению добавлять новые нормы к регламенту мистерий, если окажется, что в нем что-то упущено (сткк. 180–186). Весьма вероятно, что и сама διὰ ῥα πείρα была утверждена постановлением синедров⁶⁴. При этом права народного собрания ограничены тем, что народ избирает устроителей мистерий — комиссии пяти и десяти (сткк. 46, 119), но в решении религиозных и, главное, финансовых вопросов никак не участвует.

Еще одна надпись из Мессены, (IG V. 1. 1432), которая относится к середине I в.⁶⁵, повествует о взимании чрезвычайного налога (ὀκτώβολος εἰσφορά), введенного под нажимом римских властей. В самом начале сохранившегося текста (сткк. 1–4) говорится, что Аристокл — должностное лицо, ответственное за сбор этой подати — представил о своих действиях полный отчет синедрам, которые вместе с «властями» ранее возложили на него эту обязанность. В Фурии, другом городе той же области, синедры также выступают в роли высшей контролирующей инстанции, перед которой несет ответственность и от которой получает все указания комиссия, занятая хлебным снабжением (IG V. 1. 1379, ll. 11–19; 22–29)⁶⁶. Решение о подготовке к третейскому суду по поводу территориального спора Фурии с Мегалополем принимает опять же синедрион, который обязывает своих членов явиться на разбирательство в полном составе (SEG XI. 972)⁶⁷.

В то же самое время и в Мессене, и в Фурии появляется новое должностное лицо, весьма влиятельное и наделенное большими полномочиями — «секретарь синедров». Именно эту должность занимал уже упоминавшийся Аристокл, который руководил сбором налога в Мессене и в честь которого было издано

⁶³ *Syll.*³ 736 = Sokolowski 1969, No. 65. Новейшее комментированное издание надписи: Gawlinski 2012. Датировка содержится в самом документе: «пятьдесят пятый год» (сткк. 10, 11, 52, 54, 90). Согласно принятому сейчас порядку отсчета лет провинциальной, так называемой «Ахейской» эры не со 146/5, как считалось ранее, а со 145/4 г. (Ferrary 1988, 189–190), надпись была составлена в 91/90 г. (Deshours 2006, 51; Luraghi 2008, 298–299; Gawlinski 2012, 3–11). В последней из названных здесь работ приведена подробная и достаточно убедительная аргументация против предположения, высказанного П. Темелисом, который попытался отнести надпись из Андании к 24 г.н.э., имея в виду 55-й год Ахтийской эры (Themelis 2007, 522–523).

⁶⁴ Gawlinski 2012, 2; 22.

⁶⁵ Между 70 и 30 гг. (Migeotte 1997, 51–61; Grandjean 2003, 251–256).

⁶⁶ Сама эта надпись не сохранилась, так что никакие палеографические соображения не могут служить доводами для ее датировки. В. Кольбе, издатель соответствующего тома *IG*, а вслед за ним и другие исследователи (Robert 1969, 108; Migeotte 1991, 37) относили ее ко II или I в., однако в настоящее время ее, несомненно, следует датировать периодом после 146 г. Предполагается, что она близка по времени к надписи о мистериях (Deshours 2004, 138).

⁶⁷ О датировке этого документа уже говорилось выше (С. 46–47, прим. 20–23).

два постановления: одно от имени синедриона, другое — «синедров и народа» (IG V. 1. 1432). Другой секретарь синедров, Эпиник, во времена Августа организовал сбор средств по подписке для ремонта общественных сооружений в Мессене (SEG XXV. 343). В надписи о мистериях не кто иной как ὑραγματεὺς τῶν συνέδρων принимает присягу распорядителей празднества (Syll.³ 736, ll. 1–2, 132–137), что подразумевает очень высокое положение секретаря синедров в иерархии должностных лиц города. Эта должность становится настолько престижной и уважаемой, что в Мессене, а также в мессенских городках Короне и Фурии имя секретаря синедров используется для обозначения года (IG V. 1. 1392; 1463; SEG XI. 972)⁶⁸.

Эпонимная функция секретаря синедров, несомненно, является признаком превращения городского совета в главный орган управления полисом. Важно отметить, что такое наблюдается не только в Мессении: именем этого должностного лица датируется целый ряд постановлений римского времени из различных городов бывшего Ахейского союза (Аргос: Syll.³ 725; Дима: Syll.³ 684; Мегары: IG VII. 31; Мегалополис: IG V. 2. 441; 443; 444; Орхомен IG V. 2. 345; Феней или Теней: IG V. 1. 30). Поэтому следует считать, что значительное возрастание роли совета в городском управлении, нашедшее отражение в мессенских надписях, было характерно для всех полисов Пелопоннеса, на которые распространялись предписания Муммие и сенатской комиссии. Подтверждением тому могут служить отрывочные сведения из документов, обнаруженных за пределами Мессении. Так, в Эпидавре, как и в других городах Пелопоннеса, включая Мессену, почетные декреты в конце II и I в. по-прежнему утверждались народом (IG IV² 1. 63; 65), однако иногда местный синедрион мог принимать решение о даровании почестей и без согласия народного собрания. Свидетельствующее об этом постановление (IG IV² 1. 66, 74 г.) издано от имени «властей и синедров» (сткк. 47–48); здесь, как и в первом декрете мессенян в честь Аристокла (IG V. 1. 1432, ll. 1–21) «демос» не упоминается вообще. В Мегалополе синедрион был наделен тем же, что и в Мессене, правом вносить по собственному усмотрению поправки и дополнения в местные нормативные акты (IPArk 30, l. 8). Наконец, весьма многозначительной выглядит формулировка постановляющей части одного из декретов Антигонии: δεδόχθαι τοῖς συ[νέ]δροις καὶ τοῖς λοιποῖς πολῖταις (IG V. 2. 263, ll. 13–14)⁶⁹. Упоминание о «прочих гражданах», не входящих в состав совета, но поддержавших его решение, имеет едва заметный, но очевидный пренебрежительный оттенок и может служить хорошей иллюстрацией того, насколько изменилось соотношение властных полномочий между государственными органами пелопоннесских полисов в период римского господства.

Тот факт, что со II в. полномочия советов, особенно в финансовой сфере, значительно расширились за счет уменьшения прав народного собрания, признавался в научной литературе уже давно⁷⁰. Это изменение нередко рассматривается как проявление спонтанной эволюции политических режимов в городах

⁶⁸ Исследователи, использовавшие надпись о мистериях и другие упомянутые здесь документы как источник по истории городских учреждений Мессении, также приходят к единодушному выводу о том, что в период, последовавший за римским завоеванием, значение городского совета («синедриона») значительно возросло (Migeotte 1985, 602; Fröhlich 1999, 235–240; 2004, 238–239, 305–306; Deshours 2004, 136–139; Gawlinski 2012, 22).

⁶⁹ Относительно датировки этой надписи см. выше, прим. 19.

⁷⁰ См., в частности, Assame 1946, 137–139; Toulomakos 1967, 18–19 и указанные там более ранние работы.

Пелопоннеса, а не как прямой результат римского вмешательства⁷¹. Теперь, когда происхождение нового названия городского совета можно прямо связать с проведенной римлянами реформой, это мнение становится уязвимым для критики. Эпиграфика Пелопоннеса времен расцвета Ахейского союза не содержит никаких свидетельств того, что перераспределение полномочий между советом и народным собранием началось еще до римского завоевания. Напротив, есть все основания считать, что оно было следствием хорошо известной и достаточно последовательной римской политики, цели которой заключались в том, чтобы предотвратить конфликты и социальные потрясения в греческих городах путем передачи городского управления в руки представителей местной зажиточной элиты, заинтересованной в сохранении стабильности⁷². Для выполнения этой задачи переименования совета и заполнения его состоятельными гражданами было явно недостаточно: если все важные решения совета по-прежнему требовали бы утверждения народным собранием, то реформа носила бы половинчатый характер и не давала никаких гарантий, что в том или ином городе масса граждан, подстрекаемая демагогами, не склонилась бы к принятию нежелательных предложений даже вопреки мнению синедров. Поэтому представляется весьма вероятным, что новая «полития», навязанная грекам Пелопоннеса Муммием и комиссией, предусматривала определенные ограничения прав народного собрания в пользу совета и позволяла синедрам принимать окончательные, не утверждаемые народом решения в некоторых областях городского управления, в частности, в финансовой сфере.

Если принять такую точку зрения, высказывание Павсания (VII. 16. 9) относительно того, что Муммий «упразднил демократии» в городах бывшего Ахейского союза, может оказаться недалеким от истины. В самом деле, предполагаемое создание в полисах Пелопоннеса привилегированного сословия местных сенаторов («синедров»), введение имущественного ценза и ограничение суверенных прав демоса означало переход к такому политическому режиму, который существенно отличался не только от демократии в ее классическом понимании, но и от того строя, который именовался «демократией» в эпоху эллинизма⁷³. Традиционно считается, что Ахейским союзом до римского завоевания

⁷¹ Mueller 2014, 207: le résultat d'une évolution propre à l'appareil institutionnel des cités; см. также Deshours 2004, 144–145; Hamon 2007, 98.

⁷² Иллюстрацией могут служить сходные рассуждения о задачах римской политики в разных провинциях Республики в произведениях Цицерона и Ливия: *A censu maxime et senatum et iudices legit potentioresque eam partem civitatum fecit cui salva et tranquilla omnia esse magis expediebat* (Liv. XXXIV. 51. 6, о мероприятиях Фламинина в Фессалии); *nullas esse in oppidis seditiones, nullas discordias; provideri abs te ut civitates optimatum consiliis administrarentur* (Cic. *Q. fr.* I. 1. 8. 25, об успехах правления Квинта Цицерона в провинции Азии). Любопытную параллель эти фразы находят в надписи из Ликии, которая, правда, относится уже к периоду принципата. В постановлении Ликийского союза в честь императора Клавдия говорится о том, что благодаря законам, которые Клавдий даровал ликийцам, «правление от безрассудной толпы было передано советникам (βουλευταῖς), избранным из лучших» (*SEG LI. 1832, ll. 25–30*).

⁷³ В научных работах обычно отмечается, что во многих полисах эллинистического времени еще до прихода римлян реальная власть принадлежала имущей верхушке гражданского коллектива при сохранении формально демократических порядков и учреждений (Jones 1940, 168–171; Quass 1979, 51–52; Davies 1984, 306–307; Crowther 1992, 13–48; Gauthier 1993, 218; Rhodes-Lewis 1997, 533–535; Shipley 2006, 58–59, 68; Wiemer 2013, 56–59).

управлял довольно узкий круг политиков, принадлежавших к зажиточной элите Пелопоннеса⁷⁴, и на этот счет действительно имеются красноречивые свидетельства источников⁷⁵, однако это вовсе не обязательно означает, что подобные же порядки царили и в отдельных полисах федерации. Следует учитывать, что из-за самих размеров государства участие в работе федеральных органов власти и союзных собраний подразумевало регулярные поездки на дальние расстояния и большие перерывы в обычной хозяйственной деятельности, чего не могли себе позволить люди со скромным достатком. Напротив, в рамках своих собственных общин рядовые граждане имели реальную возможность выражать свое мнение при принятии политических и административных решений, тем самым оказывая влияние на их содержание. Как бы то ни было, с формальной точки зрения политический режим, существовавший у ахейцев, был вполне демократическим и именовался в официальных документах «демократией»⁷⁶. «Полития», введенная римлянами в 146 г., должна была заставить пелопоннесцев отказаться от целого ряда привычных норм политической жизни и перейти к новой и доселе незнакомой им организации власти. Именно поэтому в городах бывшего Ахейского союза предписания римлян вызвали недоумение и споры, которые должен был разрешить Полибий (XXXIX. 5. 2). Не исключено, что при этом ему пришлось использовать аргументы, на которых базировалась его собственная теория о преимуществах «смешанной формы правления», существовавшей в Римской республике и теперь внедряемой в городах Пелопоннеса.

Литература / References

- Accame, S. 1946: *Il dominio romano in Grecia dalla Guerra Acaica ad Augusto*. Roma.
- Ager, S. 1996: *Interstate Arbitrations in the Greek World, 337–90 B. C.* Berkeley—Los Angeles—London.
- Ameling, W. 1984: Das Archontat in Bithynien und die Lex Provinciae des Pompeius. *Epigraphica Anatolica* 3, 19–31.
- Armstrong, D., Walsh, J. 1986: SIG³ 593: The Letter of Flamininus to Chyretiae. *Classical Philology* 81, 32–46.
- Aymard, A. 1938: *Les premiers rapports de Rome et de la confédération achaienne*. Paris.
- Baronowski, D. 2011: *Polybius and Roman Imperialism*. London—New York.
- Bekker-Nielsen, T. 2008: *Urban Life and Local Politics in Roman Bithynia: The Small World of Dion Chrysostomos*. Aarhus.
- Bernhardt, R. 1985: *Polis und römische Herrschaft in der späten Republik (149–31 v. Chr.)*. Berlin.
- Brennan, T. 1993: The Commanders in the First Sicilian Slave War. *Rivista di Filologia e Istruzione Classica* 121, 153–84.
- Broughton, T. 1986: *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 1. New York.
- Carcopino, J. 1914: *La loi de Hiéron et les Romains*. Paris.
- Cartledge, P., Spawforth, A. 2002: *Hellenistic and Roman Sparta: a Tale of Two Cities*. London—New York.
- Couvenhes, J.-C., Heller, A. 2006: Transfers culturels dans le monde institutionnel des cités et des royaumes à l'époque hellénistique. In: J.-C. Couvenhes, B. Legras (éds), *Transferts culturels et politique dans le monde hellénistique*. Paris, 15–52.
- Covino, R. 2012: The *leges Scipionis* of Cic. Verr. II. ii. 123–4 – Whose are they? *Selected Proceedings, Australasian Society for Classical Studies* 33, 1–18.

⁷⁴ Aymard 1938, 30–32; Welwei 1966, 284–288; Musti 1967, 198–199; Lehmann 1967, 377–386; Larsen 1968, 232; Oliva 1974, 56; Mendels 1979/1980, 85–93; Walbank 1981, 157; O'Neil 1984–1986, 42; Scholz 2012, 34–36; Grieb 2103, 215–217.

⁷⁵ Polyb. X. 22. 9; XXXVIII. 12. 5; Plut. *Philop.* 7. 4. Подробнее см. Sizov 1989, 68–69.

⁷⁶ *Iolympia*. 46, ll. 17–18: δα[μ]οκρατούμενοι καὶ τὰ ποθ' αὐτοὺς ὁμοοῦντες οἱ Ἀχαιοὶ διατε[λ]ῶντι εἰς τὸν αἰὲ χρόνον. См. также Polyb. II. 38. 6; 41. 5–6; 44. 6; IV. 1. 5; XXII. 8. 6; XXIII. 12. 8.

- Covino, R. 2013: Stasis in Roman Sicily. *Electryone* 1. 1, 18–28.
- Covino, R. 2016: Circumscribing Imperium: Power and Regulation in the Republican Province. In: J. Armstrong (ed.) *“Circum Mare”: Themes in Ancient Warfare*. Leiden, 145–163.
- Crowther, C. 1992: The Decline of Greek Democracy? *Journal of Ancient Civilization* 7, 13–48.
- Davies, J. 1984: Cultural, Social and Economic Features of the Hellenistic World. In: *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. 7. Cambridge, 257–320.
- de Ste Croix, G.H.M. 1981: *The Class Struggle in the Ancient Greek World*. Ithaca (NY).
- Deininger, J. 1971: *Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland 217–86 v. Chr.* Berlin–New York.
- Deshours, N. 2004: Les institutions civiques de Messène à l'époque hellénistique tardive. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 150, 134–146.
- Deshours, N. 2006: *Les Mystères d'Andania. Étude d'épigraphie et d'histoire religieuse*. Bordeaux.
- Dmitriev, S. 2005: *City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Oxford.
- Eckstein, A. 2008: *Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 BC*. Malden–Oxford.
- Fernoux, H. 2004: *Notables et élites des cités de Bithynie aux époques hellénistique et romaine (IIIe siècle av. J.-C. – IIIe siècle ap. J.-C.). Essai d'histoire sociale*. Paris.
- Fernoux, H. 2011: *Le Demos et la Cité: Communautés et assemblées populaires en Asie Mineure à l'époque impériale*. Rennes.
- Ferrary, J.-L. 1987/1989: Les Romains de la République et les démocraties grecques. *Opus* 6/8, 203–216.
- Ferrary, J.-L. 1988: *Philhellénisme et impérialisme. Aspects idéologiques de la conquête romaine du monde hellénistique*. Roma.
- Fournier, J. 2010: La *Lex Rupilia*, un modèle de régime judiciaire provincial à l'époque républicaine? *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 21, 157–186.
- Fröhlich, P. 1999: Les institutions des cités de Messénie à la basse époque hellénistique. In: J. Renard (ed.), *Le Péloponnèse. Archéologie et histoire*. Rennes, 229–242.
- Fröhlich, P. 2004: *Les Cités grecques et le contrôle des magistrats (IVe–Ier siècle avant J.-C.)*. Genève–Paris.
- Gabba, E. 1959: Sui senati delle città siciliane nell'età di Verre. *Athenaeum* 37, 304–320.
- Gabelko, O.L. 2005: *Vifinskoye tsarstvo [The Bithynian Kingdom]*. Saint Petersburg.
- Габелко, О.Л., *Вифинское царство*. СПб.
- Gauthier, P. 1993: Les cités hellénistiques. In: M. Hansen (ed.), *The Ancient Greek City-State*. Copenhagen, 211–231.
- Gauthier, P. 2000: Le décret de Thessalonique pour Parnassos. L'évergète et la dépense pour sa statue à la basse époque hellénistique. *Tekmeria* 5, 39–62.
- Gawlinski, L. 2012: *The Sacred Law of Andania: A New Text with Commentary*. Berlin–Boston.
- Grandjean, C. 2003: *Les Messéniens de 369 au Ier siècle de notre ère. Monnayages et histoire*. Athènes–Paris.
- Graninger, D. 2011: *Cult and Koinon in Hellenistic Thessaly*. Leiden.
- Grieb, V. 2013: Polybios' *Wahre Demokratie* und die *politeia* von Poleis und Koina in den Historien. In: V. Grieb, C. Koehn (Hrsg.), *Polybios und seine Historien*. Stuttgart, 183–218.
- Gruen, E. 1976: Class Conflict and the Third Macedonian war. *The American Journal of Ancient History* 1, 29–60.
- Gruen, E. 1984: *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. Berkeley.
- Guarducci, M. 1932: Nota di epigrafia spartana. *Rivista di Filologia e Istruzione Classica* 60, 84–86.
- Hamon, P. 2005: Le Conseil et la participation des citoyens: les mutations de la basse époque hellénistique. In: P. Fröhlich, C. Müller (eds), *Citoyenneté et participation à la basse époque hellénistique*. Genève, 121–144.
- Hamon, P. 2007: Élitisme dirigeantes et processus d'aristocratisation à l'époque hellénistique. In: H.-L. Fernoux, C. Stein (eds), *Aristocratie antique: modèles et exemplarité sociale*. Dijon, 79–100.
- Holleaux, M. 1938: *Études d'épigraphie et d'histoire grecques*. Vol. 1. Paris.
- Holm, A. 1898: *Geschichte Siziliens im Alterthum*. Bd 3. Leipzig.
- Jones, A.H.M. 1940: *The Greek City from Alexander to Justinian*. Oxford.
- Kahrstedt, U. 1932: Συνέδριον. In: *RE*. II. R. Hlbd 8, 1333–1350.
- Kallet-Marx, R. 1995: *Hegemony to Empire. The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C.* Berkeley–Los Angeles–Oxford.
- Kantor, G. 2010: *Siculus cum Siculo non eiusdem civitatis*: Litigation between Citizens of Different Communities in the Verrines. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 21, 187–204.
- Kennell, N. 2010: *Spartans: A New History*. Oxford.
- Kirbihler, F. 2009: Les lois provinciales en Occident: état de la question. In: F. Hurlet (éd.), *Rome et l'Occident (IIe siècle av. J.-C. – IIe siècle ap. J.-C.)*. Rennes, 25–34.

- Knoepfler, D. 1990: Contributions à l'épigraphie de Chalcis. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 114, 473–498.
- Knoepfler, D. 2001: *Décrets érétriens de proxénie et de citoyenneté*. Lausanne.
- Kramolisch, H. 1978: *Die Strategen des thessalischen Bundes vom Jahr 196 v. Chr. bis zum Ausgang der römischen Republik*. Bonn.
- Lafond, Y. 1996: Pausanias et l'histoire du Péloponnèse depuis la conquête romaine. In: J. Bingen (éd.), *Pausanias historien. Huit exposés suivis de discussions*. Vandoeuvres—Genève, 167–198.
- Larsen, J.A.O. 1955: *Representative Government in Greek and Roman History*. Berkeley—Los Angeles.
- Larsen, J.A.O. 1968: *Greek Federal States*. Oxford.
- Le Teuff, B. 2010: Les recensements dans les provinces de la République romaine: aux origines de la réforme augustéenne. In: N. Barrandon, F. Kirbihler (éds), *Administrer les provinces de la République romaine*. Rennes, 195–211.
- Lehmann, G.A. 1967: *Untersuchungen zur historischen Glaubwürdigkeit des Polybios*. Münster.
- Levi, M. 1931: Un documento d'arbitrato fra Megalopoli e Turia. *Rivista di Filologia e Istruzione Classica* 59, 93–97.
- Liebenam, W. 1900: *Städteverwaltung im römischen Kaiserreich*. Leipzig.
- Luraghi, N. 2008: *The Ancient Messenians: Constructions of Ethnicity and Memory*. Cambridge.
- Ma, J. 2013: *Statues and Cities. Honorific Portraits and Civic Identity in the Hellenistic World*. Oxford—New York.
- Madsen, J. 2009: *Eager to be Roman: Greek Response to Roman Rule in Pontus and Bithynia*. London.
- Maganzani, L. 2007: L'editto provinciale alla luce delle Verrine: profili strutturali, criteri applicative. In: J. Dubouloz, S. Pittia (éds), *La Sicile de Cicéron, Lectures des Verrines*. Besançon, 127–146.
- Mauersberger, A. 2002: *Polybios-Lexicon*. 2. Aufl., bearbeitet von A. Mauersberger, C.-F. Collatz et al. Bd 3, Lief. 1. Berlin.
- Mellano, L. 1977: *Sui rapporti tra governatore provinciale e giudici locali alla luce delle Verrine*. Milano.
- Mendels, D. 1979/1980: Polybius and the Constitution of the Achaean League: a note. *Scripta classica Israelica* 5, 85–93.
- Merguet, H. 1905: *Handlexikon zu Cicero*. Leipzig.
- Migeotte, L. 1985: Réparation de monuments publics à Messène au temps d'Auguste. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 109, 597–607.
- Migeotte, L. 1991: Le pain quotidien dans les cités hellénistiques. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 2, 19–41.
- Migeotte, L. 1997: La date de l'oktôbolos eisphora de Messène. *Topoi* 7, 51–61.
- Migeotte, L. 2008: L'organisation de l'oktôbolos eisphora de Messène. In: Grandjean C. (éd.), *Le Péloponnèse d'Épaminondas à Hadrien*. Bordeaux, 229–243.
- Moretti, L. 1967: *Iscrizioni storiche ellenistiche*. Vol. 1. Firenze.
- Mueller, C. 2005: La procédure d'adoption des décrets en Béotie de la fin du IIIe s. av. J.-C. au Ier s. ap. J. — C. In: P. Froehlich, C. Mueller (éds), *Citoyenneté et participation à la basse époque hellénistique*. Genève, 95–119.
- Mueller, C. 2014: Les Romains et la Grèce égéenne du Ier s. av. J.-C. au Ier s. ap. J.-C.: un monde en transition? *Pallas* 96, 193–216.
- Musti, D. 1967: Polibio e la democrazia. *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa, Classe di Lettere, Storia e Filosofia* 36, 155–207.
- Nicolet, C. 1988: *L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain*. Paris.
- Oliva, P. 1974: Der Achäische Bund zwischen Makedonien und Sparta. *Eirene* 21, 5–16.
- O'Neil, J.L. 1984–86: The Political Elite of the Achaean and Aetolian Leagues. *Ancient Society* 15–17, 33–61.
- Pfeilschifter, R. 2005: *Titus Quinctius Flamininus. Untersuchungen zur römischen Griechenlandpolitik*. Göttingen.
- Piérart, M. 2013a: Penser Rome en Grec... Penser Rome en grec. In: O. Curty (éd.), *Épigraphie romaine et historiographie antique et moderne*. Fribourg, 21–34.
- Piérart, M. 2013b: Une nouvelle proxénie argienne de la basse époque hellénistique et les synèdres d'Argos. In: A. I. Ivantchik (ed.), *Monumentum Gregorianum*. Moscow, 275–289.
- Piper, L. 1986: *Spartan Twilight*. New Rochelle.
- Prag, J. 2014: Cities and Civic Life in Late Hellenistic and Roman Sicily. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 25, 165–208.
- Quass, F. 1979: Zur Verfassung der griechischen Städte im Hellenismus. *Chiron* 9, 37–52.
- Quass, F. 1993: *Die Honoratiorenschicht in den Städten des griechischen Ostens*. Stuttgart.
- Rhodes, P.J., Lewis, D.M. 1997: *Decrees of the Greek States*. New York.
- Robert, L. 1969: *Opera minora selecta*. Vol. 1. Amsterdam.

- Roesch, P. 1965: *Thespies et la Confédération béotienne*. Paris.
- Scholz, P. 2012: Demokratie in hellenistischer Zeit im Licht der literarischen Überlieferung. In: C. Mann, P. Scholz (Hrsg.), *„Demokratie“ im Hellenismus: von der Herrschaft des Volkes zur Herrschaft der Honoratioren?* Mainz, 28–55.
- Scramuzza, V. 1937: Roman Sicily. In: T. Frank (ed.), *An Economic Survey of Ancient Rome*. Vol. 3. Baltimore, 225–377.
- Serrati, J. 2000: The Coming of the Romans: Sicily from the Fourth to the First Centuries BC. In: C.J. Smith, J. Serrati (eds), *Sicily from Aeneas to Augustus*. Cambridge, 109–114.
- Shackleton Bailey, D.R. 1992: *Onomasticon to Cicero's Speeches*. 2nd ed. Leipzig.
- Sherwin-White, A. 1966: *The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary*. London.
- Shipley, G. 2000: *The Greek World after Alexander. 323–30 BC*. London–New York.
- Shipley, G. 2006: The Polis and Federalism. In: G. R. Bugh (ed.), *The Cambridge Companion to the Hellenistic World*. Cambridge.
- Sizov, S.K. 1980: [The Political Organization of the Cities of Roman Sicily (after Cicero's Verrines)]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya: Istoriya, yazyk, literature* [Vestnik of Leningrad State University. Series: History, Language, Literature] 1. 2, 114–116.
- Сизов, С. К. Политический строй городов римской Сицилии (по «Верринам» Цицерона). *Вестник Ленинградского университета. Серия: История, язык, литература* 1. 2, 114–116.
- Sizov, S.K. 1989: *Akheyskiy soyuz* [The Achaean League]. Moscow.
- Сизов, С. К. *Ахейский союз*. М.
- Sizov, S.K. 2015: [Was There a Federal Council in the Achaean League in Polybios' Times?]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod] 3, 107–114.
- Сизов, С. К. Существовал ли союзный совет в Ахейской федерации во времена Полибия? *Вестник Нижегородского государственного университета* 3, 107–114.
- Sokolowski, F. 1969: *Lois sacrées des cités grecques*. Paris.
- Swoboda, H. 1912: Studien zu den griechischen Bündnen, III: Die Städte im achäischen Bunde. *Klio* 12, 17–50.
- Themelis, P. 2007: Τα Κάρνεια και η Ανδανία. In: *Ἀμύμονα ἔργα. Τιμητικός τόμος για τὸν καθηγητὴ Βασίλη Κ. Λαμπρινουδάκη*. Athens, 509–528.
- Touloumakos, J. 1967: *Der Einfluss Roms auf die Staatsform der griechischen Stadtstaaten des Festlandes und der Inseln in ersten und zweiten Jhdt v.Chr.* Göttingen.
- Walbank, F. 1979: *A Historical Commentary on Polybios*. Vol. 3. Oxford.
- Walbank, F. 1981: *The Hellenistic World*. Brighton.
- Welwei, K.-W. 1966: Demokratie und Masse bei Polybios. *Historia* 15, 282–301.
- Wiemer, H.-U. 2013: Hellenistic Cities: the End of Greek Democracy? In: H. Beck (ed.), *A Companion to Ancient Greek Government*. Oxford, 54–70.
- Wilhelm, A. 1907. Inschrift aus Pagai. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts* 10, 17–32.
- Woodward, A., Robert, L. 1927/1928: Four Hellenistic Decrees. *Annual of the British School at Athens* 29, 57–74.
- Zhebelev, S.A. 1903: *Ἀχαϊκά. V oblasti drevnostey provintsii Akhayi* [In the Field of Antiquities of the Province Achaia]. Saint Petersburg.
- Жебелев, С. А. *Ἀχαϊκά. В области древностей провинции Ахайи*. СПб.